

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛЯРНОСТИ «ДУХ/РАЗУМ – ТЕЛО»
В ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ**

Тетяна Тесленко

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна***Тесленко Тетяна. Эволюция полярности «дух/разум – тело» в философии та культурі Просвітництва.**

Еклектику постмодернізму з неминучістю відображаючи трансформації класичних бінарних опозицій актуалізує основоположну дихотомію «дух/разум – тіло». Актуальність дослідження «природи» людини, в цілому, підтверджується певними соціокультурними процесами кінця ХХ-початку ХХІ сторіччя. Звернення до Просвіти, визначення еволюції концептів і їх спадкоємності забезпечує не тільки виявлення трансформації філософії Освіти, але і акцентує його творчий розвиток в подальші періоди історичного процесу. Теорія «природної людини» виключає тезу про раціонального жіночого суб'єкта. Саме тому жінки-письменниці Просвіти, вступаючи в полеміку з Ж.-Ж. Руссо, акцентують у своїх творах однаково, «Богом дану», суть чоловіків і жінок, право жінок на освіту і знання, що надає їм можливість раціонального вибору життєвого шляху.

Ключові слова: літературна творчість, освіта, раціональність, приватне життя, чуттєвість.

Тесленко Татьяна. Эволюция полярности «дух/разум – тело» в философии и культуре Просвещения.

Эклектика постмодернизма, с неизбежностью отражая трансформации классических бинарных оппозиций, актуализирует основополагающую дихотомию «дух/разум – тело». Актуальность исследования «природы» человека, в целом, подтверждается определенными социокультурными процессами конца ХХ-начала ХХІ в.в. Обращение к Просвещению, определение эволюции концептов и их преемственности обеспечивает не только выявление трансформации философии Просвещения, но и акцентирует его творческое развитие в последующие периоды исторического процесса. Теория «естественного человека» исключает тезис о рациональном женском субъекте. Именно поэтому женщины-писательницы Просвещения, вступая в полемику с Ж.-Ж. Руссо, акцентуют в своих произведениях одинаковую, «Богом данную», сущность мужчин и женщин, право женщин на образование и знание, дающие им возможность рационального выбора жизненного пути.

Ключевые слова: рациональность, чувственность, частная жизнь, образование, литературное творчество.

Teslenko Tetyana. Evolution of the polarity of «spirit / mind – body» in the philosophy and culture of the Enlightenment.

At the beginning of the XXI st century discussions about the dichotomy «spirit / mind – body» are still in the focus of philosophic schools and trends. The topicality of the research of human nature, in general, is due to the definite socio-cultural processes of postmodernity, which are also in the centre of philosophers attention. Addressing the Enlightenment in the attempts to determine the evolution of the basic concepts provides not only clarification of the transformations in the philosophy and literature of the Enlightenment, but accentuates their creative development in the following historic periods. The theory of the «natural man», developed and represented by the Enlightenment, expels the thesis of the rational feminine subject in this context. It is important to stress that the women-writers of the Enlightenment (M. Wollstonecraft, M. Astel, G. Hays, J. Austen and others) accentuate in their literary work the idea of the feminine nature equal to man's nature. In order to realise that women possess human essence, «given by God», women should have a possibility and right to study, to obtain education, this is one of the main ideas of the «feminists before feminism» of the XVIII century. It is worth mentioning that in their representations of «common sense» J. Austen sounds optimistic. She is sure her common sense and moral virtues is a way to the «good» active life.

Key words: rationality, sensibility, private sphere, education, literature.

Постановка проблеми. Если признать справедливость афоризма А. Уайтхеда о том, что вся философия – это серия ссылок на Платона, то нужно подчеркнуть, что дихотомия «дух/разум – тело» является одной из самых древних дуальностей, которая по-прежнему актуальна в своей «фундаментальной неизбежности» [13, с. 211].

В конце ХХ – начале ХХІ в.в. дискуссии о разуме и теле продолжают находиться в фокусе внимания основных философских школ и направлений как Европы, так и Америки от Л. Витгенштейна до Дж. Райла. Эклектика века с неизбежностью отражает субстрат философских идей, затрагивающих и эмпиризм, и теософию, и

витализм, и материализм, и рационализм, и иррационализм; все вышеперечисленное сходится в одной точке, находящейся в основании дихотомии «дух/разум – тело» идей Просвещения. Влияние ренессансных представлений о природе человека и Фачино, и Пико делла Мирандолы, несомненное в философии и культуре Просвещения, артикулирует как христианские версии неоплатонизма, так и декартовское «празднование» доказательств полярности духа/разума и тела. Было ли это следствием развития модных светских идей или вызовом, брошенным «старой» философией, все еще

вызывает серьезные дебаты широкого круга историков и философов [9, с. 282].

Длинный XVIII век – от Реставрации в Англии до революции во Франции – находился под главными факторами влияния – медициной и литературой, влияния, прежде всего, на философские идеи и общее культурное мировоззрение. Медицина в ее открытиях и эволюции и литература в трудах великих писателей Просвещения, узаконивая модели мышления, создавали непрерывность, очерчивая концепции ментальной «анатомии» последующих веков. Подчеркивая многообразие и многосоставность философского дискурса Просвещения, исследователи рассматривают его в качестве эклектического, вовлекающего разнообразные дискурсы междисциплинарного метода. Анализ взаимоотношений науки в целом с «воображением» художественных форм искусства невозможен вне сферы междисциплинарного исследования [14, с. 17].

Цель работы состоит в исследовании трансформационных процессов в концептосфере дихотомии «дух/разум – тело» в дискурсах Просвещения.

Анализ публикаций последних лет. Многие ученые предшествующих столетий, занимаясь тем, что называют «естественной историей», полагали, что рассматривать человека в качестве «окончательного» объекта создания, то есть Адама, есть императив. Философы Просвещения настаивали на том, что человек – продукт времени, среды и обстоятельств (Локк, Кондильяк, Гельвеций), климата и физической географии (Монтескье), Эволюции (Эразм), исторического развития (Гердер). Рационалисты Просвещения признают разум основой познания и поведения людей, принижая роль авторитета и веры, исповедуя культ рациональности (Тиндаль, Руссо, Монтескье). Сознание – и коллективное, и индивидуальное – развивается в Просвещении из признания приоритета разума, но разум рассматривается как продукт динамических процессов развития и совершенствования.

Просвещение имеет столь важное значение в истории философии и, в целом, Западной Европы, поскольку это не только хронологический период (XVIII в.) и не только корпус абстрактных идей, основанных на вере в «естественный» свет разума, сколько особый социокультурный феномен [3].

При всей известности кантовского определения Просвещения полагаем необходимым процитировать его. «Просвещение – это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находился по собственной вине. Несовершеннолетие – это неспособность пользоваться своим рассудком без

руководства со стороны кого-то другого. ...Имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения» [2, с 27]. И здесь следует подчеркнуть: самое сильное воздействие на умы этой эпохи оказали «люди письменного слога» (А. Токвиль); к середине XVIII в. писатели-интеллектуалы постепенно становятся самыми влиятельными в Западной Европе политиками. Политическая публичная сфера, утверждает Ю. Хабермас, формируется в европейских обществах XVIII в. из литературной публичной сферы. Как показывают работы современных авторов, тезис о генетической связи между философской, политической и литературной сферами подтверждается на материале как французского, так и британского Просвещения [9].

Изложение основного материала. В силу, с одной стороны всего, сказанного выше, а, с другой – разработанности собственно философских идей Просвещения в зарубежной и отечественной науке, полагаем необходимым остановиться именно на роли литературных памятников в эволюции дихотомии «разум – тело» в Просвещении. Ученые доказывают: с момента своего возникновения философия в центр своего внимания всегда ставила вопрос о человеке, его сущности и природе [1]. Просвещение, множеством путей пришедшее к выводу о том, что базисом критики и реформы общества должно стать исследование природы человека (по Д. Юму), в своих теориях и концепциях уделяет значительное внимание именно этому вопросу, что в русле исследований об анатомии человека, в целом, и «нервах», в частности, дает почву для новых дискурсов и нарративов. Медицинские теории «чувственности», несомненно, находились под влиянием учения Дж. Локка, которое во многом базировалось на чувствах («sensations») внешнего мира. Бесспорно, немаловажными были идеи И. Ньютона о том, что «sensations» передавались по нервам посредством вибрации, которые, в свою очередь, передавали в мозг впечатления, произведенные органами чувственного восприятия. В начале XVIII в. тело стало рассматриваться как органическое единство, а не как комплекс механического взаимодействия материальных частиц, при этом важность изучения нервной системы рассматривалась в русле выполнения ею функции моста между физической работой тела и «формой» – приданием упорядоченности характеру человека, его личности.

Знакомство с тезисами Ж.-Ж. Руссо, тем более их анализ и интерпретация свидетельствуют о том, что во многом они были посвящены природе человека – мужчинам и

женщинам, их роли и их взаимоотношениям («Юлия, или Новая Элоиза», «Письмо к д'Аламберу о зрелищах», «Эмиль, или о воспитании»). В «Эмиле» Руссо пользуется как методом философской антропологии, так и типом аргументации, присущим современной эволюционной биологии: мужчина должен быть активным и сильным, женщина – пассивной и слабой [4]. Различный биологический вклад мужчин и женщин в достижение общей цели воспроизводства, полагает Руссо, заставляет признать истинность этого принципа: равная сила и самоутверждение несовместимы с репродуктивной биологией каждого пола. Развертывание идей Руссо с неизбежностью приводит его к исключению женщин из публичной сферы, помещению их в абсолютно жесткие рамки домашней, частной жизни. Как указывают ученые, «изгнание» женщин из публичной сферы – это просто один из многих примеров мышления тех философов (включая Гоббса и Локка), для которых общественный договор между гражданами – мужчинами одновременно является сексуальным контрактом, включающим присвоение женского труда и широкомасштабное использование его, что по К. Патеман, образует когерентную социальную структуру [12].

С. Оукин и М. Гатенс также утверждают, что дихотомические отношения разума и тела оперируют на усложненном уровне инфраструктуры [11; 7]. В своей книге «Человек разумный: «мужское» и «женское» в западной философии» Ж. Ллойд предлагает анализ дихотомических отношений «разум/тело» в качестве «ткани» со сложным рисунком [10]. Н. Туана, соглашаясь со своими коллегами подчеркивает, что гендерные коннотации априори непростые, у Руссо – крайне усложненные. Бесспорно, женщина соединена с эмоциями, мужчина – с разумом, но рациональность вовлекает сложную взаимозависимость разума и эмоций [15].

М. Нассбаум, рассматривая неравенство полов в русле социальной справедливости в глобальном ключе, также указывает на основополагающее значение дихотомии «разум-тело» для феминизма в культуре Востока [8], что, безусловно, говорит о культуральной масштабности значения этой дихотомии и еще раз подчеркивает важность трактовки этой дуальности в Просвещении, в целом, и у Руссо, в частности. Необходимо всегда держать в фокусе внимания ту мысль, что канон философии Просвещения, воплощенный в трудах Руссо, пронизан концептом женщины менее разумной, менее сильной духовно, функционирующей исключительно в сфере семьи и быта. Как

следствие – и разум, и дух определяются только в терминах маскулинности. В гендерном прочтении и «Эмиля» и «Новой Элоизы» присутствие «языка» дуализма духа/разума и тела ощущается постоянно, поскольку мы всегда находимся в поле определенного мизогинистского дискурса. Истоки этого дискурса Ж. Ллойд находит в античности: древние греки видели в способности зачатия женщин связь с плодородием природы: по выражению Платона, «женщины имитируют землю» [10].

Следует заметить: уделяя особое внимание анализу импликаций картезианского дуализма в его трансформации у Спинозы, Ллойд подчеркивает значения трактовки разума как «идеи тела». В картезианском дискурсе разум не имеет пола, поскольку полностью отделен от тела. В подходе Спинозы, напротив, хотя разум как идея тела не является «половым» или «бесполым», ум каждого человека должен быть определен или как мужской, или как женский в силу пола тела, которому принадлежит «идея». Человеческие тела живут как мужские или женские различным образом в различных исторических условиях, и «идеи» этих тел должны соответствующим образом отличаться.

«Противоречия» Руссо, о которых писали и Ллойд, и Дейчер, и другие ученые, достаточно известны, однако полагаем необходимым остановиться на следующем. У Руссо, для которого априорно понятие «естественная близость» женщин к природе, именно мужчины совершают необходимый возврат от «испорченного разума» к «чистой природе», таким образом, их природная близость к «природному» состоянию – следствие их разума [5]. Противоречие также и в том, как социальные структуры и «природа» организованы у Руссо, по утверждению которого культура – это всегда «плохо» в качестве деградации природного состояния, культура является также необходимым дополнением и к нашему мифическому «падению», утрате естественного состояния, и к «естественному» состоянию как таковому, из которого мы должны неизбежно выйти. Таким образом, возвращаясь к вопросу о женщинах, получается, что женщины позиционируются Руссо и в качестве «ангелов-хранителей» социального порядка, и в качестве разрушительной, губительной силы социального порядка. Однако при всей противоречивости подобной трактовки исследователи настаивают на присутствии когерентности – пусть и сложной, подчеркивая идею «странно объединяющего» статуса дуальных противоположностей у Руссо (Патеман, Гатенс, Ллойд, Дейчер).

Если во французском Просвещении идеи взаимоотношений духа/разума и тела

разрабатывались, в основном, философами и писателями – мужчинами, то первый документ с радикальным требованием равенства женщин, значительно опередивший свое время, был сформулирован в период Французской революции в Декларации прав женщины и гражданки женщиной – Олимпией де Гуж (1791). Хотя этот текст и не встретил заметного отклика, он свидетельствовал о полном понимании того, что «Декларация прав человека и гражданина» (1789), провозгласившая освобождение «всего народа», не распространяла, однако, гражданские права на женщин. Гражданский кодекс (1804), который составляли люди, воспитанные «Эмилем» и «Юлией» Руссо, в целом, натуралистической идеологией Просвещения, обрекал женщину, – замужнюю, в том числе, – на вечное несовершеннолетие.

Одной из таких женщин, осознавших всю серьезность последствий для женщин новой французской конституции была М. Уоллстонкрафт, жившая и творившая «по ту сторону» Ла-Манша. В своей знаменитой «Защите прав женщины» (1792) она просит Талейрана изменить новую французскую конституцию, в которой права женщины абсолютно не были определены. Понимая, что феминистский прогресс Просвещения становится все более коварным в исторических «костюмах» великих писателей-энциклопедистов, она убедительно доказывает в своей «Защите», что власть и авторитет, которыми мужчины обладают в частной сфере, «отнюдь не естественны», но полностью искусственны [16]. В контексте данного исследования важно подчеркнуть: разум и чувства – главная оппозиция в ее «Защите». Она утверждает, что поскольку человеческая сущность мужчин и женщин – их Богом данная способность мыслить разумно, то и их права должны быть одинаковы. Последнее в полной мере относится и к их добродетелям: добродетели хорошей матери и жены не могут рассматриваться как «естественные», и здесь знаменитая писательница вступает в конфликт с воззрениями Руссо. Женщины должны получать образование и знания, чтобы иметь возможность делать разумный выбор, писала она, только в этом случае стоит говорить об их добродетелях и ценных моральных качествах. Все, что им нужно, – это возможность учиться, поскольку в умственных способностях женщин нет ничего такого, что не позволяло бы им достигать таких же высот в получении знаний, какие достигают и мужчины. То, что отделяет их от мужчины, не является некоей «природной», «естественной» способностью, но просто привычкой и традицией, обусловленной социумом и историей.

Оппозиция «разум/чувства» развивается в «Защите» в тесном контакте, – зачастую переплетаясь, – с другой важной бинарной оппозицией – «природа-обучение/воспитание» («nature/nurture»). Обе оппозиции получают свое дальнейшее развитие в романном творчестве Дж. Остен; в первую очередь, в ее романе «Здравый смысл и чувствительность» («Sense and Sensibility»). Реакционная идеология, набравшая силу в Англии в 90-х годах XVIII века, породила парадоксальную ситуацию. Требуя от женщин быть слабыми, послушными, робкими и скромными, политическая ситуация одновременно дала женщинам возможность, если не участвовать, то «комментировать» политические вопросы и события. Следует подчеркнуть: женщины-романисты никогда не испытывали недостатка тем в своем творчестве, но после Французской революции идеологическая установка потребовала от писательниц исключительного внимания к «большим» семейным вопросам: важности замужества, ценностям патриархатной семьи, супружеской любви и привязанности и т.п. Само название романа «Здравый смысл и чувствительность» (1816) декларирует актуальность дихотомии «разум – эмоции» или «рациональное – чувственное». Дж. Остен, новаторски репрезентируя данную оппозицию, художественно раскрывает ее в сознании и поведении двух героинь – двух сестер. Жанровая форма «контрастного» романа, бесспорно, приводит к определенной дидактичности, однако ни в коей мере нельзя назвать этот роман «руководством» или набором новых правил «хорошего поведения» девушек из обедневших дворянских семей. Дидактический посыл романа, заложенный в самом названии, эксплицитно демонстрирует авторскую идею: на протяжении всей книги чувственность высмеивается, а здравый смысл восхваляется. К концу романа «sense», как и следовало ожидать, одерживает убедительную победу [6]. Бесспорно, почву для своих романов Джейн Остен черпала в философских дебатах своего времени, – отсюда доминирование проблемы разума и эмоции не только в ее первых опубликованных книгах, но и в последующем романе «Гордость и предубеждение», где героини находятся также под влиянием своих ошибок как следствия потворства своим слабостям. Не будучи, однако, ни в коей мере «феминисткой», Дж. Остен отстаивает достоинства женщин во всех своих произведениях. Ее умные женщины не уступают умным мужчинам, и здесь она выигрывает полемику с Руссо. В то же время было бы ошибочно утверждать, что в своих романах Дж. Остен предлагает некую «программу»:

писательница была далека от революционных идей М. Уоллстонкрафт. Однако важно то, что в репрезентации «здорового смысла» («common sense») отчетливо звучат оптимистические ноты и уверенность в добродетелях и благах «активной жизни». Последнее не характерно для позднего Просвещения: «Кандид» Вольтера заканчивается неубедительно в своей «незавершенности», а «Тристрам Шенди» Л. Стерна можно рассматривать как своего рода элегию бездействию.

Бесспорно, Джейн Остен не была одинока в разработке дискурса духа/разума и тела, представленного в «женском романе», ее «Здравый смысл и чувствительность» – кульминация развития данной мысли в художественной прозе, которая возникла в британской культуре в начале XVIII века и которая заслуживает названия феминистской, возможно, с большими оговорками. Дж. Остен строила свои моральные во многом «феминистские» суждения, основываясь на работах Мэри Эстел, которая писала: «Я знаю, что треугольник – это не квадрат и что тело не есть разум, как и ребенок знает, что няня, которая кормит его, – не кошка, с которой он играет, и не страшилище, которым его пугают» [9, с. 17]. В своих феминистских воззрениях М. Эстел, отвергая пассивное послушание, демонстрирует право женщин на собственное суждение. М. Эстел очень важна для теории феминизма, поскольку именно она обозначила вопросы, которые стали ключевыми в последующих столетиях. Но также важно то, что она была религиозна, оставаясь преданной прихожанкой своей церкви, и в этом Дж. Остен идет по ее стопам, не стремясь удивить мир революционными призывами, как М. Уоллстонкрафт или ее подруга М. Хейз, которые, разоблачая двойные стандарты в морали либеральной философии, показывают, что права на свободу и счастье, предшествовавшие общественному договору «по определению», не распространяются на женщин. Женщинам «запрещено», утверждают они, делать выбор в своей собственной жизни, поскольку либерализм диктует фундаментально различные кодексы морали, в том числе и в домашней сфере.

В то же время, когда Дж. Остен опубликовала свои романы – в начале XIX в., – женщины Англии не имели права учиться в колледжах или университетах. Отношение, в целом, к художественной литературе, тем более, к женскому литературному творчеству, было весьма пренебрежительным; художественная проза рассматривалась как «развлечение на досуге»; авторы романов не пользовались, как правило, признанием и почетом [6, с. 202].

Дж. Остен получила от издателя 140 фунтов стерлингов за «Здравый смысл и чувствительность», что полагалось в то время неожиданным финансовым успехом, поскольку, в целом, книга не вызвала большой интерес среди ни у писателей-романистов, ни у читателей романтической литературы того времени. Признание пришло к Дж. Остен в XX веке, провозгласившем ее величайшей писательницей Британии.

Выводы. Если в романах Ж.-Ж. Руссо априорно утверждается понятие естественного тождества женщин и природы, то женщины-писательницы Просвещения (М. Уоллстонкрафт, Дж. Остен, М. Хейз), развивая в своих произведениях тему оппозиции «дух/разум – тело», акцентуализируют одинаковую («Богом данную») человеческую сущность мужчин и женщин. Вступая в конфликт с Руссо, «феминистки до феминизма» подчеркивают важность образования для женщин, связывая напрямую знания и образование с добродетелями и моральными качествами. Великая Дж. Остен отрабатывает в своих романах критерии истины и добродетели, опираясь на творчество просветителей. Как они, Дж. Остен высоко ценит «sense» («здравый смысл»), доказывая в своих книгах, что «практический разум» – главенствующая черта, определяющая не только мужчину, но и женщину, а потому основа добродетели. Приписываемая женщинам избыточная «чувственность» требовала, по мнению просветителей, руководства со стороны «рационального» мужчины, тем самым философы Просвещения оставляли женщину в целиком «природной» сфере – сфере семьи и домашней жизни, обрекая тем самым на подчиненное, зависимое от мужчин положение. Теория «естественного» человека, оказавшая огромное влияние на проблематику модерна, исключала тезис о рациональном женском субъекте. И «Защита прав женщины», и «Здравый смысл и чувствительность» – весьма важные произведения в репрезентации «иронии» либерального государства по отношению к женщинам. Основной принцип либеральной теории – право и свобода человека использовать свои возможности, как он/она считает нужным, нарушается в отношении женщины именно потому, что ее тело отлично от тела мужчины. Либеральная традиция, как утверждается, начинается с разрешения не только политических, но и моральных вопросов: именно эти вопросы, поставленные в произведениях М. Уоллстонкрафт и Дж. Остен, и есть самые главные в их литературном наследии.

Список использованных источников

1. Гнатенко П.И. Феномен природы человека.– К. : Вища освіта, 2014. –267 с.
2. Кант и ответ на вопрос: что такое Просвещение? – Соч. в 6 т. – М. : Мысль, 1966. –743 с.
3. Каплун В.Л. Что такое Просвещение? // Публичное пространство, гражданское общество и власть. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 333–345.
4. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. – М. : Худ. лит-ра, 1961. – 852 с.
5. Руссо Ж.-Ж. Юлия или Новая Элоиза. – М. : Худ. лит-ра, 1968. – 776 с.
6. Austen I. Sense and Sensibility. – London : Wordsworth Classics, 1992. – 374 p.
7. Gatens M. Feminism and Philosophy. Perspectives on Difference and Equality. – Bloomington and Indianapolis : Undiana University Press, 1991. – 451 p.
8. Gussbaum M. Sex and Social Justice. – Oxford University Press, 2000. – 490 p.
9. Joseph J. Language, Mind and Body. – Cambridge University Press, 2017. – 282 p.
10. Lloyd Y. The Man of Reason; «Male» and «Femaly» in Western Philosophy. – London Rutledge, 1993. – 166 p.
11. Okin S.M. Women in Western Political Thought. – Prenceton University Press, 1979. – 371 p.
12. Pateman C. The Sexual Contract. – Stanford University Press, 1988. – 276 p.
13. Rousseau G.S. Enlightenment Crossenas: Pre-and Post-modern Discourses. – Manchester University University 1991. – 400 p.
14. The Language of Psyche – Ed. G.S. Rousseau. – University of California Press, 1991. – 494 p.
15. Tuano. Feminism and Philosophy. Perspectives on Difference and Equality. – Western Press, 1994. – 568 p.
16. Wollstonecraft M.A Vindication of the Rights of Woman. – London : Penguin, 1975. – 340 p.

Відомості про автора:

Тесленко Тетяна Вікторівна

c.spas.dp@i.ua

Дніпропетровський національний університет
залізничного транспорту імені академіка В. Лазаряна
вул. Ак. Лазаряна, 2, м. Дніпро,
49010, Україна

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5810-3569>

References

1. Gnatenko P.I. Fenomen prirodyi cheloveka.– K. : Vischa osvita, 2014. –267 s.
2. Kant i otvet na vopros: chto takoe Prosveschenie? – Soch. v 6 t. – M. : Myisl, 1966. –743 s.
3. Kaplun V.L. Chto takoe Prosveschenie? // Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obschestvo i vlast. – M. : ROSSPEN, 2008. – S. 333–345
4. Russo Zh.-Zh. Emil, ili O vospitani. – M. : Hud. lit-ra, 1961. – 852 s.
5. Russo Zh.-Zh. Yuliya ili Novaya Eloiza. – M. : Hud. lit-ra, 1968. – 776 s.
6. Austen I. Sense and Sensibility. – London : Wordsworth Classics, 1992. – 374 p.
7. Gatens M. Feminism and Philosophy. Perspectives on Difference and Equality. – Bloomington and Indianapolis : Undiana University Press, 1991. – 451 p.
8. Gussbaum M. Sex and Social Justice. – Oxford University Press, 2000. – 490 p.
9. Joseph J. Language, Mind and Body. – Cambridge University Press, 2017. – 282 p.
10. Lloyd Y. The Man of Reason; «Male» and «Femaly» in Western Philosophy. – London Rutledge, 1993. – 166 p.
11. Okin S.M. Women in Western Political Thought. – Prenceton University Press, 1979. – 371 p.
12. Pateman C. The Sexual Contract. – Stanford University Press, 1988. – 276 p.
13. Rousseau G.S. Enlightenment Crossenas: Pre-and Post-modern Discourses. – Manchester University University 1991. – 400 p.
14. The Language of Psyche – Ed. G.S. Rousseau. – University of California Press, 1991. – 494 p.
15. Tuano. Feminism and Philosophy. Perspectives on Difference and Equality. – Western Press, 1994. – 568 p.
16. Wollstonecraft M.A Vindication of the Rights of Woman. – London : Penguin, 1975. – 340 p.

Information about the author:

Teslenko Tetyana Viktorivna

c.spas.dp@i.ua

Dnipropetrovsk National University of Railway Transport
named after academician V. Lazaryan
2 Lazaryana St., Dnipro,
49010, Ukraine

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5810-3569>